

Алексей БЕЛОГОРЬЕВ, руководитель управления Института энергетической стратегии

В последние месяцы, вопреки ожиданиям «Газпрома», произошли

значимые подвижки в прединвестиционной подготовке строительства газопроводов с территории Прикаспийского региона в Европу. Все предпринимаемые Россией усилия по противодействию этому процессу дают пока маловразумительные результаты. А это означает, что, несмотря на сохранение серьёзных инвестиционных рисков, газотранспортный коридор в обход России всё-таки будет создан. И уже через какой-то десяток лет Москва во всём объёме сможет ощутить его негативные последствия...

КАК ГРИБЫ ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Острые российской критики традиционно направлено против Транскаспийского газопровода (ТКГ) и Nabucco, которому Москва стремится противопоставить South Stream. На самом же деле второй проект – лишь один из многих вариантов транспортировки каспийского газа в ЕС (объединены по его терминологии в понятие «Южный газовый коридор»), и даже уже не основной. Разнообразие маршрутов поставок азербайджанского и туркменского газа в Европу, их ежегодное размножение, но, что самое главное, отсутствие каких-либо конкретных шагов к их фактической реализации в России принято (что не совсем правильно) связывать с экономической нерентабельностью этих проектов.

Ни с точки зрения спроса, ни ресурсной базы «Южный коридор» не был нужен ни в 2000-е годы, ни тем более в 1990-е, однако сегодня ситуация коренным образом изменилась. Запрос на диверсификацию импорта со стороны европейских стран и, главное, окончание экспоненциального роста норвежского экспорта, ещё недавно, в течение последних 15 лет, покрывавшего всю выбывающую добычу газа внутри ЕС, обеспечивают всё более устойчивый спрос на каспийский газ (до 40 млрд м³/год) даже в

«Газовые бои» на Каспии

«Флотилия» участвующих в них стран в текущем году может только расширяться

случае продолжения стагнации внутри-европейского потребления.

Ключевым для каспийской газодобычи должен стать 2017 г., когда будут введены в строй вторая очередь месторождения Шах-Дениз, а также основные месторождения Туркменистана. Именно к этому сроку Европе необходимо иметь систему транспортировки газа от Довлетабада (Туркменистан) до Баумгартена (Австрия).

СЛОЖНОСОЧИНЁННАЯ СИСТЕМА

В свою очередь, комплекс «Южный коридор» – это, по сути, несколько звеньев в цепочке поставок туркменского и азербайджанского газа в Центральную, Вос-

точную и Юго-Восточную Европу.

Причём из них лишь Россия – и то ограниченно – способна повлиять только на два – на ТКГ и на транспортировку газа через Закавказье. В то же время опыт августовской войны 2008 г. показал, что риски военно-политической дестабилизации в Грузии не оказывают решающего воздействия на инвесторов, тем более что, по версии Всемирного банка, Тбилиси ныне отличается образцовым инвестиционным климатом (16-е место в мире). Куда более значимы риски, связанные с возможным обострением Нагорно-Карабахского конфликта: ведь

Возможные маршруты поставок туркменского и азербайджанского газа в Европу

№ п/п	Газопровод	Страны	Длина, км	Проектная пропускная способность, млрд м³/год	Оценочная стоимость, млрд долл.	Ожидаемый срок ввода, год
1	Восток – Запад (внутренний газопровод)	Туркмения	766	30	2,0	2015
2	Транскаспийский (TCGP)	Спорная территория Каспийского моря	300	30	5,0	2016
3	Южно-Кавказский (BTE)	Азербайджан, Грузия	692	20 (8,8)	н. д. (расширение)	действует
4	Транспортировка СПГ по Чёрному морю (AGRI)	Азербайджан, Грузия, Румыния	–	7–8	5–8 (с учётом строительства завода по сжижению газа в Кулеви и регазификационного терминала в Констанце)	2017
5	Nabucco	Турция, Болгария, Румыния, Венгрия, Австрия	3893	31	16–20	2017
6	Юго-Восточный европейский газопровод (SEEP, проект BP)	Турция, Болгария, Румыния, Венгрия, Хорватия	н. д.	10	н. д.	2017
7	Трансанатолийский (TANAP)	Турция	1200	16–60	5,0	2017
8	Nabucco-west	Болгария, Румыния, Венгрия, Австрия	2700	16	5,5–6,0	2017
9	Трансатлантический (TAP, проект Statoil)	Греция, Албания, Италия	520	10–20	2,0	2017
10	Интерконнектор Турция – Греция – Италия (ITGI)	Турция, Греция, Италия	807	10–24	2,5	2015

Источник: ИЭС.

азербайджанский участок Южно-Кавказского газопровода проходит вблизи границ непризнанной Республики Нагорный Карабах. Да и самой России в силу геополитических причин, очевидно, невыгодна эскалация этого конфликта, даже если она и принесёт значимые экономические результаты. А посему – единственный оставшийся для России «козырь» в игре на воздействие – Транскаспийский газопровод.

Сегодня, как известно, для России, пожалуй и Ирана, основным аргументом против ТКГ остаётся неурегулированный характер раздела дна и поверхностных вод Каспийского моря. Согласно официальной позиции Москвы и Тегерана, до окончательного размежевания его дна любой транскаспийский проект должен одобряться всеми пятью прибрежными странами. Причём позиция России в данном случае наиболее сильна, поскольку российско-азербайджанская и российско-казахстанская границы были определены ещё в 1998–2003 гг., и весь спор сегодня идёт между «постсоветской четвёркой» и Ираном, а также между Туркменистаном

и Азербайджаном о разделе разрабатываемых Баку месторождений Кяпаз (Сердар), Азери (Осман) и Чираг (Омар). Иными словами, неурегулированность статуса Каспия – не вина России.

Более того, в случае с поставками в Европу через Азербайджан казахской и туркменской нефти проблема статуса

Каспия была успешно обойдена танкерными перевозками. В то же время острой заинтересованности Астаны и Ташкента в поставках газа в западном направлении пока не наблюдается –

по причине ограниченности их экспортных возможностей, полностью выбираемых Россией, Китаем, Киргизией и Таджикистаном. А когда в октябре 2011 г. «Узбекнефтегаз» подписал экспортный контракт с PetroChina о поставках в Китай 10 млрд м³/год начиная с 1 апреля 2012 г., то этим соглашением Ташкент был окончательно выведен из любых схем будущих транскаспийских поставок газа.

Таким образом, из 6 региональных держав ТКГ нужен только Туркмени и Азербайджану, да и то с оговорками. Во

первых, обе страны не планируют участвовать в проекте финансово, перекладывая все инвестиционные риски на европейских покупателей. Во-вторых, Азербайджан, несмотря на сложные отношения с Москвой и временами почти враждебные с Тегераном, не хочет брать на себя бремя политического лоббирования проекта, идя тем самым на прямую конфронтацию с соседями. Вместе с тем начиная с 2010 г. Баку настаивает на правомочности двусторонних договорённостей между Азербайджаном и Туркменистаном по строительству подводного газопровода. И в этом случае проблема статуса Каспия сама по себе уже не влияет на перспективы ТКГ.

БАКУ СДЕЛАЛ «ХОД КОНЁМ»

В сентябре 2011 г. Еврокомиссия получила мандат на ведение переговоров с Туркменистаном и Азербайджаном по вопросам строительства ТКГ. Уже в 2013 г. по инициативе Еврокомиссии и на деньги Всемирного банка должно быть завершено технико-экономическое обоснование туркменского участка Транскаспийского газопровода (ТЭО по азербайджанской части, по заверениям ГНКАР, почти готово).

Одновременно в 2013 г. планируется принять инвестиционные решения по Nabucco и Трансанатолийскому газопро-

воду (TANAP). В апреле 2012 г. ГНКАР уже заявила о возможности доведения мощности последнего до 60 млрд м³/год, ориентируясь именно на поставки туркменского газа.

Сам проект TANAP, меморандум о строительстве которого был подписан Турцией и Азербайджаном 26 декабря 2011 г., стал неприятным сюрпризом для апологетов Nabucco, практически лишив их газа второй очереди месторождения Шах-Дениз (16 млрд м³/год с 2018 г.). Неудивительно, что TANAP вызвал неоднозначную реакцию со стороны ЕС, где по-прежнему считают Nabucco более надёжным маршрутом. Впрочем, другого мнения придерживаются участники консорциума по разработке второй очереди Шах-Дениза. В феврале 2012 г. они объявили приоритетным вариантом транспортировки газа с этого месторождения Транс-адриатический проект (TAP) с созданием в Албании ПХГ объёмом до 8,5 млрд м³.

Это означает, что в 2018 г. 10 млрд м³ азербайджанского газа фактически поделит между собой Южная Италия, Греция и Албания (оставшиеся 6 млрд м³ планирует закупать Турция), что вступает в противоречие с задачей диверсификации импорта газа странами Юго-Восточной, Восточной и Центральной Европы, которая изначально ставилась Европейской комиссией при создании «Южного коридора». Если TAP сохранит свою роль, это будет большим подарком России, поскольку, в отличие от Nabucco, он не затрагивает ключевых для «Газпрома» рынков сбыта.

Однако вероятность того, что TAP станет единственным маршрутом поставок газа от турецкой границы, невелика, скорее всего, их будет несколько. Выбор TAP объясняется во многом тем, что, в отличие от Nabucco, SEEP и AGRI, он хорошо стыкуется с Трансанатолийским газопроводом и, соответственно, в большей степени отвечает новым интересам Азербайджана (ГНКАР) и Турции (Botaş и Трао). В свою очередь, идея TANAP, как представляется, родилась не только из-за стремления ускорить процесс создания «Южного коридора», но и в значительной мере из-за изменения энергетической политики Баку и Анкары. Теперь Азербайджан хочет полностью контролировать поставки газа до границы с Европой (доля ГНКАР в TANAP – 80%), беря, возможно, пример с «Газпрома», ценовая политика которого в 2009–2012 гг. при всех её издержках (снижение спроса) по-прежнему является привлекатель-

ной и для других стран-экспортёров углеводородов.

Вовремя оценив этот поворот в позиции Азербайджана и Турции, радикальные действия предприняли акционеры Nabucco. В марте 2012 г. участники проекта (OMV, BOTAŞ Булгаргаз, S.N.T.G.N. Transgaz, MOL и RWE) выступили с предложением создания Nabucco-West – газопровода мощностью 16 млрд м³/год с тем же самым маршрутом, что и «Большой Nabucco», но начинающегося не на турецко-грузинской, а на болгаро-турецкой границе. Фактически акционеры Nabucco признали тем самым серьёзность проекта TANAP и вступили в прямую конкуренцию с TAP за газ второй очереди Шах-Дениза. Впрочем, окончательного решения об отказе от «Большого Nabucco» в 2012 г., видимо, принято не будет.

На фоне нерешительных действий европейских стран Азербайджан и Турция полностью перехватили инициативу по созданию «Южного газового коридора» в свои руки. При этом экспортные возможности самого Азербайджана остаются весьма скромными. Если в 2011 г. он экспортировал 7,1 млрд м³ газа, то к 2020 г. будет способен отправить на экспорт не более 20 млрд м³/год при достижении товарной добычи в 30 млрд м³. Найти покупателей на такой объём газа не представляется сложным (Турция, Грузия, страны Юго-Восточной Европы, Россия и, по всей вероятности, Украина). Существенный прирост экспорта возможен только после 2025 г., когда, по заявленным планам, добыча газа может быть доведена до 50 млрд м³/год за счёт месторождений Абшерон, Умид, Бабек и Азери – Чираг – Гюнешли. Прирост доказанных запасов газа в Азербайджане происходит медленно, их последнее значимое увеличение имело место ещё в 1998 г.

Не является конкурентным товаром для Азербайджана и туркменский газ; напротив, его транзит через Закавказье существенно увеличивает инвестиционную привлекательность любых газотранспортных проектов по поставкам самого азербайджанского газа, которого слишком мало для строительства крупных и, соответственно, легче окупаемых мощностей. Это относится и к расширению уже действующего Южно-Кавказского газопровода. В этом смысле создание ТКГ для Азербайджана – это не только вопрос транзитных платежей и увеличения геополитической роли Баку, но и возможность повышения экономиче-

ской рентабельности собственных поставок газа в Европу.

Для экспорта азербайджанского газа до 2020 г. было бы вполне достаточно планового расширения уже действующего газопровода Баку – Тбилиси – Эрзурум с 8,8 до 20 млрд м³/год и увеличения на такой же объём пропускной способности ГТС Турции. С учётом сохранения минимальных поставок в Россию по газопроводу Баку – Ново-Филия (в 2012 г. – около 2,0 млрд м³, в дальнейшем этот уровень планируется довести до 3–4 млрд м³) это полностью покрывает экспортные возможности Баку. В связи с этим очевидно, что все варианты расширения Южно-Кавказского газопровода более чем на 20 млрд м³/год или прокладки нового маршрута будут нацелены на поставки среднеазиатского газа и на создание задела для увеличения экспорта азербайджанского газа в 2020-е годы.

По ту сторону

Если теперь снова вспомнить о России, то сам по себе азербайджанский газ в силу относительно небольших объёмов экспорта не представляет серьёзной угрозы для её экспортных интересов в Европе. Следовательно, импорт азербайджанского газа, которым «Газпром» пытается последние два года воздействовать на Баку с целью уменьшения его поставок в европейском направлении, не только не очень эффективен, но и в долгосрочном плане лишён смысла. Учитывая долгосрочный характер кризиса вокруг Ирана и ухудшение обстановки в Ираке, а также отсутствие в Узбекистане и Казахстане дополнительных ресурсов для экспорта газа в западном направлении, жизнеспособность «Южного коридора», как и раньше, полностью зависит от Туркмении.

Несмотря на дискуссионность размеров её доказанных запасов газа (по самым скромным расчётам – не менее 8 трлн м³), очевидно, что они достаточны для выполнения амбициозного плана Ашхабада по наращиванию к 2020 г. добычи «голубого топлива» до 187,7 млрд м³/год. С точки зрения привлечения иностранных инвестиций положение в газовой отрасли Туркменистана в целом улучшается. В 2011 г. резко повысился интерес к добыче газа в стране со стороны французских (Total, Gas de France) и американских (ExxonMobil, Chevron, Conoco-Phillips) компаний. По-прежнему очень активна китайская CNPC. В целом перспективы добычи газа достаточно оптимистичны, и их вряд ли можно рассмат-

ривать в качестве долгосрочного ограничителя поставок газа в Европу.

В то же время надежды России на то, что все дополнительные объёмы туркменского газа удастся перенаправить в восточном (Китай), юго-восточном и южном (Пакистан, Индия, Иран) направлениях, в большей степени оправданны. Действительно, в дальнейшем весьма вероятно расширение до 60–65 млрд м³/год поставок газа в Китай по маршруту Довлетабад – Хоргос, согласно договорённостям, достигнутым в ноябре 2011 г. Кроме того, в апреле 2012 г. были подписаны очередные межправительственные соглашения по строительству газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ) проектной мощностью 33 млрд м³/год и протяжённостью 1735 км. Несмотря на сложность военно-политической ситуации в Афганистане и в зоне племён Пакистана, вероятность того, что в 2015 г. газопровод будет запущен, существенно увеличивается. Благодаря этому туркменский газ поступит во все три страны – по 15 млрд м³/год в Индию и Пакистан и 3 млрд м³/год в Афганистан.

Кроме того, по инициативе Китая небольшой городок Гвадар, расположенный на юго-западе пакистанской провинции Белуджистан, рассматривается сегодня как основная точка выхода ТАПИ к морю вместо ранее предполагавшегося для этой роли крупнейшего пакистанского порта Карачи. Если учесть, что в планы Китая входит создание там крупного энергетического хаба, то Ашхабад вполне может рассчитывать на расширение в 2020-е годы пропускных мощностей ТАПИ как для увеличения трубопроводных поставок в Индию и Пакистан, так и для выхода на рынок СПГ, причём в удобной для этого географической точке. Наличие такой перспективы существенно ограничивает интерес Туркмении к проектам по сжижению газа в замкнутом Чёрном и даже Средиземном морях.

В апреле 2012 г. была открыта вторая ветка газопровода Довлетабад – Сарахс – Хангиран, благодаря чему общий объём экспорта туркменского газа в Иран может возрасти до 20 млрд м³ (в 2010 г. – 6,5 млрд). Наконец, Туркмения продолжает поставлять газ в Россию. Несмотря на то что в 2009–2011 гг. объёмы экспорта в Иран и Россию упали в среднем до 10 млрд м³/год, в дальнейшем, в случае восстановления спроса на газ на основных рынках сбыта (прежде всего, на Украи-

не), Россия планирует нарастить импорт центральноазиатского газа до 70 млрд м³ (базовый вариант) и поддерживать его на таком уровне вплоть до 2030 г.

В общей сложности к 2020 г. Туркмения может рассчитывать на газовый импорт в восточном, юго-восточном, южном и северном направлениях в объёме не менее чем 130–140 млрд м³/год. На фоне растущего внутреннего потребления (+81% с 2001 по 2010 г.) это почти полностью покрывает потенциальные добычные мощности, что, несомненно, является значительно большей проблемой для возможных инвесторов Транскаспийского газопровода, чем статус Каспия или экологические риски.

В то же время Туркмения, как и любая страна-экспортёр, заинтересована в создании профицита газотранспортных мощностей на своих границах с возможностью оперативного перенаправления потоков газа. Для Ашхабада это особенно актуально, учитывая свежий и крайне болезненный опыт обвального снижения импорта со стороны России в апреле 2009 г. В связи с этим Туркмения, несомненно, продолжит поддерживать создание Транскаспийского газопровода.

Между Тегераном и Киевом

Отдельной проблемой для авторов «Южного коридора» остаются возрастающая вероятность возникновения конфликта вокруг иранской ядерной программы и последующие за этим события. Иран сегодня активно интересуется разработкой своих шельфовых месторождений в Каспийском море и поддерживает тесные энергетические связи не только с Туркменией, но и с Арменией, и даже с Азербайджаном (свопные поставки газа в Нахичевань). Кроме того, в регионе, на границе с Туркменистаном, находится второе по величине газовое месторождение страны Хангиран с доказанными запасами 2,8 трлн м³ (текущая добыча составляет порядка 20 млрд м³/год). В связи с этим Тегеран не заинтересован в дестабилизации каспийского региона, который рассматривается им скорее как тыловая зона. Однако непосредственная близость Транскаспийского и Южно-Кав-

казского газопроводов к потенциальной зоне боевых действий создаёт напряжённую атмосферу вокруг них и явно затягивает принятие окончательных инвестиционных решений.

Невероятную активность вокруг экспорта азербайджанского и туркменского газа осенью 2011 г. – весной 2012 г. проявила Украина. В частности, её заинтересованность в альтернативных России источниках газа стала одной из важных тем переговоров в рамках состоявшегося в марте 2012 г. трёхдневного государственного визита в Киев президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова. Ещё более тесные связи по газовому вопросу правительство Украины наладило с Азербайджаном, в частности предложив себя в качестве участника проекта TANAP (с долей до 10%) и активно лоббируя строительство завода по

сжижению газа в грузинском Кулеви для дальнейших поставок не только в румынскую Констанцу, но и одесский порт Южный, где планируется построить регазификационный терминал, мощность которого к 2017 г. должна

быть 10 млрд м³, а на начальном этапе (2014 г.) – 2 млрд м³/год.

Кроме того, Украина уже третий год ведёт активную информационную и дипломатическую кампанию против строительства российского South Stream, поддерживая все иные альтернативные варианты поставок газа на Балканский полуостров. В итоге на данный момент политика Киева в отношении «Южного газового коридора» направлена скорее на оказание давления на Москву, чем на достижение реальных договорённостей по газовым поставкам с Баку или Ашхабадом.

Итак, несмотря на стремительную активизацию в 2011–2012 гг. почти всех сторон, заинтересованных в создании «Южного газового коридора», его реальные ресурсные и добычные возможности остаются намного скромнее ожиданий. Вместе с тем потенциал развития ЮГК остаётся чрезвычайно высоким, что в долгосрочной перспективе может негативно сказаться на удержании экспортных позиций России в Юго-Восточной, Восточной и Центральной Европе. ■

Несмотря на стремительную активизацию в 2011–2012 гг. почти всех сторон, заинтересованных в создании «Южного газового коридора», его реальные ресурсные и добычные возможности остаются намного скромнее ожиданий.
